

ХУАН ЛУИС ВИВЕС ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОБРАЗОВАНИИ

Н.В. РЕВЯКИНА

В статье на основе работы «Об обучении» (*De tradendis disciplinis*) испанского гуманиста Хуана Луиса Вивеса (1492/3–1540) освещается вопрос об использовании античной литературы в школе в начальный период обучения детей (от 7 до 15 лет). Отмечены высокая оценка Вивесом латинского языка, положительное отношение к преподаванию в школе греческого, влияние древних языков на современные европейские языки — итальянский, испанский, французский. Обращено внимание на некоторые особенности при изучении латинского языка, не характерные для предшествующих Вивесу гуманистов, писавших о школе, это использование в начальный период обучения родного языка как вспомогательного для лучшего усвоения латинского, и в последующий период применение современной литературы — писателей, грамматиков, гуманистов, помогающих изучению древних языков. Эти особенности объясняются временем жизни Вивеса — эпохой складывания национальных государств, укрепления народных языков, развитием культуры и педагогической мысли. В статье рассматривается и поставленный самим Вивесом вопрос об отношении к языческой литературе и к некоторым, с точки зрения Вивеса, сомнительным в нравственном смысле поэтам. При всей противоречивости Вивеса и малой убедительности его самооценки решение этого вопроса сводится у него к отбору для изучения в школе и самих авторов и тех или иных их сочинений, которые можно применять в работе с учениками и уберечь последних от пороков. В статье показано, что как латинская, так

и греческая литература (труды по ораторскому искусству, поэзия, комедии, исторические работы, работы по мифологии и другие) широко используется в обучении. Античные сочинения не только формируют и обогащают язык, но и дают разносторонние знания в основном гуманитарного толка, помогают воспитывать образованного и культурного человека. Этому способствует и данный в самом конце рассуждений Вивеса об обучении большой обзор (свыше 100 имен) древних авторов, современных писателей, ученых, гуманистов, раннесредневековых писателей, «отцов церкви», издателей, переводчиков, комментаторов с краткими характеристиками многих из них.

Хуан Луис Вивес (1492/93–1540) — выдающийся испанский гуманист, чьи работы по педагогике, психологии и общественной мысли в XVI–XVII вв. активно читались, многократно издавались и влияли на развитие европейской культуры. В своем трактате «О науках» (*De disciplinis*, 1531) Вивес высказал свой взгляд на состояние западной культуры и образования его времени; остро критическое отношение гуманиста к культуре и ее истокам¹, к образованию соединяется в трактате с позитивными предложениями в отношении образования². Часть трактата «О науках» (5 книг 2-го тома «О обучении») (*De tradendis disciplinis*) специально посвящена проблемам школы и образования.

Языком образовательной подготовки продолжал оставаться и в XVI в. латинский язык, а античная литература (латинская и греческая) служила основным материалом (источником) для обучения. Выяснить отношение Вивеса к этому источнику обучения и составляет главную задачу статьи. Сразу же заметим, что речь пойдет об обучении грамматике и древним языкам (латинскому и греческому) детей от 7 (8) до 15(16) лет. Вивес выделяет этот начальный период обучения, отделяя его от времени обучения другим дисциплинам. Сам он имел педагогический опыт, возмож-

¹ Об этом во вступительной статье В. Бибикина к его переводу отрывков первой книги трактата «О науках», см.: Шестаков, сост. (1981). С. 457-459 (вступ. ст.), 460-470 (текст).

² Высокую оценку педагогическим взглядам Вивеса дает Валерио Дель Неро, см.: Del Nero (2008). P. 201, 203.

но, именно такой, учительствуя, как полагают исследователи, еще в Париже после окончания университета; позже, оказавшись в Нидерландах, он преподавал в Лувене и затем в Колледже «Корпус Кристи» в Оксфорде.

Прежде, чем говорить об использовании Вивесом в обучении античных авторов, следует отметить особенности, которые отличают нашего гуманиста от его предшественников, гуманистов более раннего времени. Вивес использовал на ранних этапах обучения вместе с латинским народный язык. Кроме того он широко обращался в обучении, наряду с античными авторами, к современным ему писателям, гуманистам, грамматикам, помогающим усвоению латинского языка, к раннесредневековым авторам, к христианским писателям («отцам церкви»). Обе особенности объяснимы новой эпохой, в которую жил Вивес — временем складывания и роста национальных государств, укреплением народных языков, развитием культуры и педагогической мысли¹.

Хотя обучение и в этот период велось на латинском языке, но роль родного языка в общественной жизни возрастала, и Вивес вводит его в обучение, правда, только на ранних этапах. Разговор о родном языке он начинает издали — с умения человека говорить. «В человечестве первое знание это знание языка (умение говорить), оно льется как из источника от разума и мысли. Слово (речь) также инструмент человеческого общения... И подобно тому, как мысль

¹В средневековых школах использовались в начальной школе Псалтырь, учебник грамматики (сокращенный текст учебника римского грамматика Доната IV в.) «*Donatus minor*», затем в грамматической школе учебники Александра Вилледье «*Doctrinale*» (XIII в.) и римского грамматика Присциана, а для чтения — нравоучительная литература в поэтической форме — «авторы», круг которых сформировался в основном в XII в. (за исключением «Дистихов Катона» и басен Эзопа. См.: Frova (1981); Ревякина (2015). В кон. XV–XVI в. появляется целый ряд работ для школьного обучения: учебники грамматики, сборники текстов, книги для чтения. Среди них учебник В.Лили (известен как учебник Эразма), 1527 (1542), J. Despauterius. *Commentarii grammatici*, 1536; из сборников — *Adagia* Эразма, 1500 и ряд переизданий в 1505, 1513, 1514, W. Norman. *Vulgaria*, 1519; из книг для чтения - *Colloquia* Эразма, 1518 и ряд переизданий. См. об этом Bowen (1980). P. 356, 453-464.

у нас от милости Бога, так говорить на том или ином языке для нас естественно»¹.

И дома родители и в школе учителя, считает Вивес, должны постараться, чтобы дети хорошо говорили на родном языке. Родители должны стремиться к тому, чтобы душевные чувства и речь ребенка выражались чистыми словами в целой и связанной речи. Равно и кормилицы не должны говорить бессвязно, абсурдно, поварварски, чтобы не было у детей пороков в речи (*De disc.*, 271).

А в школе учитель должен хорошо знать родной язык детей, чтобы с его помощью удобнее и легче вести обучение. Если на родном языке не используются слова, подходящие и нужные для дела, о котором идет речь, то учитель может ввести детей в заблуждение, и эта ошибка будет упорно сопровождать их до взрослого возраста. Но дети не достаточно поймут свой язык, если не будет называться очень ясно каждое слово в отдельности (*De disc.*, 279).

В процессе обучения сначала начинают говорить на родном языке; если в нем ученик делает какие-то ошибки, учитель поправит его, затем понемногу ученик заговорит по-латыни, соединит усвоенное от учителя и прочитанное самим в начале обучения; в школе язык будет смешанным — из родного и латинского; дома говорят на своем языке (*De disc.*, 283). Будет полезно давать детям слова на родном языке рядом с их латинским значением и, напротив, латинские слова и рядом на родном языке; так делал испанский педагог А. Небриха, замечает Вивес (*De disc.*, 296).

И хотя родной язык не имеет самостоятельного значения при обучении, а помогает лучшему усвоению латинского, Вивес выступает в защиту родного языка. Он говорит, что надо хранить в памяти древность родного языка и не только знание недавних слов, но и старинных и тех, что вышли из употребления; ведь если такого не будет при частых изменениях каждого языка, то книги, написанные за сто лет до этого, не будут понятны потомкам (*De disc.*, 279). Известно, что родной язык в школах в какой-то мере использовался², но заслуга Вивеса состоит в том, что он ясно сказал об

¹ Vives (1532). P. 271. Все последующие ссылки на работу будут даны в тексте статьи с указанием страниц в скобках.

² Свидетельством тому служит, в частности, издание С. Хейденом книги для чтения (диалогов) — Seybaldus Heyden. *Formulae puerilium*

этом в своей работе, обосновал необходимость его использования в процессе обучения и бережное сохранение, что в период складывания национальных языков имело немалое значение.

Однако главная забота Вивеса в трактате — обучение в школах латинскому языку. Язык — храм познания или того, что должно быть сохранено в памяти, и раз он храм познания и инструмент человеческого общения, то по этой причине, рассуждает Вивес, для человеческого рода надлежало быть одному языку, которым пользовались бы все народы, столько языков — наказание за грех; а этому самому языку (единому) надлежало бы быть как сладостным, так ученым и красноречивым. Таким языком видится Вивесу латинский язык. Он самый совершенный из всех, распространен среди многих наций, его используют почти все науки, он богатый, тщательно отделанный, обогащен многими умами писателей, сладостный. Его надо изучать, сохранять и не портить. Если его утратить, последует большое расстройство (беспорядок) во всех науках и большой разлад среди людей, а также враждебность из-за незнания языка. Если он перестает быть единым, тогда каждый регион будет иметь свой язык и люди не будут понимать друг друга. Что тогда случится с искусствами, которые соединяются непосредственно латинской речью? (*De disc.*, 272-273).

Этим языком должен заниматься мальчик от 7 до 15 лет, пока он не готов по слабости ума для восприятия других дисциплин, но это на усмотрение учителя, который исходит из способностей каждого и его успехов. А если кто к латинскому присоединит греческий, он получит от обоих языков много пользы при изучении других искусств (*De disc.*, 273).

С древними языками (латинским и греческим), испытывая их влияние, связаны европейские языки; латинский, говорит Вивес, связан с греческим, с латинским — итальянский, испанский, галльский, для которых латинский — отечественный. Латинский язык становится от греческого более богатым, а от него — европейские языки (*De disc.*, 273). Изучение греческого наш гуманист приветствует: как латинский своим богатством может помочь современным

colloquiorum, 1530 с параллельным немецким текстом. См.: Bowen (1980). P. 459-460.

языкам, так греческий после латинского также их украшает и обогащает; от греческого многое сохранилось в памяти — в истории, природоведении, морали, медицине, благочестии. (*De disc.*, 274). В дальнейших рассуждениях Вивес вспомнит, что Квинтилиан предпочитал начинать обучение с греческого, но тогда у детей, замечает Вивес, родным был латинский; теперь же, когда латинский надо осваивать путем изучения, следует поступать наоборот (*De disc.*, 276).

Поскольку обучение детей проходило главным образом с помощью античной литературы, Вивес считает необходимым высказать свое отношение к языческим авторам. Но для него не столько язычество — угроза, сколько непристойности у ряда авторов, прежде всего поэтов. И он сразу же заявляет, что детей надо удерживать от автора, который может привести детей к пороку: Овидий — к сладострастию, Марциал — к шутовству (балагурству), Лукиан — к злословию и глумлению, Лукреций и многие из философов, главным образом эпикурейцев, — к нечестивости (*De disc.*, 291). Пусть ученик идет к чтению языческих авторов как в поле, опасное ядовитыми растениями, укрепленный противоядием — благочестием, им люди соединяются с Богом, оно от Бога передано. То, что придумано людьми, полно ошибок, то, что против благочестия, рождено тщеславием людей, обманом хитроумного врага дьявола (*De disc.*, 291). Однако, используя язычников, то есть идя через терновник, яды, отраву и заразу, ученик должен взять из них полезное, прочее отбросить (*De disc.*, 292).

Такое громкое заявление свидетельствует о верности Вивеса христианскому благочестию, оно может быть вполне искренним, но позволяет также думать об особом положении Вивеса: он был под наблюдением церкви, так как принадлежал к семье конверсов (марранов), принявших христианство евреев; в Испании с его родителями жестоко расправилась инквизиция, обвинив их в возвращении к своей религии¹.

На материале поэзии Вивес высказывает более конкретно свое отношение к поднятой теме. Гармония и созвучие, считает он, очень важны в поэзии, они дают облегчение (*levamentum*) души.

¹См. González González (2008). P. 19, 25.

Но из-за того, что именно древние поэты брали для воспевания, многие подозревают это искусство в способности развращать, некоторые открыто ненавидят, говорит Вивес, Об этом идет спор, и гуманист считает необходимым высказать свою точку зрения. Что касается стихов, говорит он, то они сладостны вследствие той гармоничности, которая созвучна человеческой душе. В словесном искусстве поэты велики, возвышенны, блестящи, имеют сильные доводы, восхитительно описывают чувства, возвышенным духом вдохновляют читающих, подобно тому, как и сами вдохновляются, так что, кажется, поднимаются над умом и природой.

Но к этим высоким свойствам, считает Вивес, примешиваются пороки, не менее пагубные как для души, так и для тела. Они могут сильно повредить тем, кто верит читаемому автору. Как же тогда надо читать поэтов, спросит кто-то. Каким образом собирать целебные травы среди стольких вредных? Не лучше ли отвергнуть их и целиком отбросить? (*De disc.*, 293). Вивес обращается к работе Плутарха «О чтении поэтов» (*De lectione poetarum*). Плутарх, на его взгляд, старается смягчить влияние позорного в поэзии. Но обдуманнее, считает Вивес, никоим образом не касаться заразы. Признавая вред позорного в поэзии, Плутарх советует позорным сентенциям противопоставить благопристойные (приличные), тогда одни лишат веры другие. Но если добрых сентенций не окажется под рукой? Тогда, по мнению Вивеса, при склонности нашей природы к дурным они окажутся действеннее, чем добрые. Кроме того, считает Плутарх, чтение поэтов вредит, если не пользоваться ими осторожно. По мнению Вивеса, такие рекомендации Плутарха подходят не для детей, а для взрослых, воспитанных на здоровых взглядах (*De disc.*, 293).

Сам Вивес думает иначе. Поскольку у поэтов много сладостного, прекрасного, великого, восхитительного, надлежит не отвергать (удалять) их, но очищать, не обрезая пораженный член, но позаботившись о применении лекарства. Но непристойные вещи, способные заражать то, что захватили, пусть всецело уничтожатся, как бы угасшие. Неужели человеческий род ощутит непереносимую утрату, если ты удалишь из порочного поэта вредную часть? И разве непозволительно будет из Овидия удалить подобные стихи, какой юноша от этого станет никудышным (ничего не стоящим —

pequior)? Зброшено столько памятников философов и священных авторов, и неужели будет тяжело и непереносимо, если погибнут Тибулл и «Искусство любви» (*Arts amandi*) Овидия? (*De disc.*, 294). К тому же, считает Вивес, кто читает поэтов, пусть знают, что они изображают людей часто худших. И вера самим поэтам должна быть ослаблена, они очень сильны природой и духом, но были людьми заурядных взглядов, почти никаких или крайне малых знаний в науке и опыте в делах, подвержены волнениям и пылкие, зараженные пороками.

Возможно, кто-то удивится, откуда у них такой авторитет не только в народе, но и в школах последователей мудрости. Наш гуманист пытается объяснить причины. Это первые древнейшие писатели и потому многое у них идет от древности. Вера при их чтении приобретает сладостью их речи, ведь легче верим тому, кого охотно слушать. А когда люди увидят, что в их книгах рассеяны семена всех дисциплин, они поверят, что поэты во всем этом совершенны (*De disc.*, 294). И такое отношение свойственно как неопытным людям, так и тем, кто одарен остротой и энергией ума. Вивес ссылается на современных поэтов, пишущих на родных языках, хотя мы знаем, говорит он, что они неученые (*De disc.*, 295).

Так непросто и в чем-то противоречиво решает Вивес вопрос о своем отношении к античным авторам. Исследователи считают — и с этим можно согласиться — что самооправдание Вивеса предложенной цензуры не кажется очень убедительным.¹ К тому же слова Вивеса о язычестве как аргументе неприятия языческих авторов в дальнейшем практически не встречаются, да и эпитеты «порочный», «непристойный» в отношении к поэтам крайне редки, а к философам, историкам и другим писателям, как увидим ниже, вообще не применяются. Говоря об обучении, Вивес будет широко обращаться к поэтам. Из отмеченных им «подозрительных» авто-

¹ Так считает Валерио Дель Неро, который не рассматривает подобные рассуждения Вивеса как предвестие, предчувствие Тридентского собора с его цензурой, но связывает самоцензуру Вивеса относительно классической культуры в общем и некоторых образцов сомнительной в нравственном отношении языческой поэзии с длительной христианской традицией от отцов церкви до схоластики. См.: Del Nero (2008). P. 205.

ров в учебном процессе не будут названы Лукреций и эпикурейцы, остальные Овидий, Марциал, Лукиан, Тибулл, как мы увидим далее, используются, некоторые с оговоркой — без порчи, непристойности. Из Овидия в образовательный процесс включены «Метаморфозы» и «Фасты», но не «Искусство любви». Примечательны и приводимые Вивесом слова о нем: «Овидий восхитительной легкости, он, по словам Сенеки, заслуженно наполнил свой век не только любовными искусствами, но сентенциями» (*De disc.*, 310).

Словом, Вивес при использовании античных авторов в обучении считал необходимым сделать отбор и самих авторов и тех или иных их сочинений, которые можно применять в работе с детьми и уберечь последних от пороков.

Но в обучении детей надо использовать авторов, исходя не только из моральных соображений, но и из нужности авторов в процессе обучения. Вивес разделяет их на четыре категории. Одни в передаче знаний следуют определенному порядку и понятному методу, легкому для восприятия, их надо постоянно перечитывать и дословно изучать. Другие писатели точно следуют взятой теме, но пространнее и запутаннее, чем полезно обучающемуся; их надо перечитывать, но не так, как первых. Третьих достаточно будет прочесть. Четвертых не читать, но хранить в библиотеке для консультации, когда будет нужно (*De disc.*, 291); этих последних, в отличие от всех остальных, Вивес называет поименно.

В трактате подробно излагаются этапы изучения грамматики и древних языков (латинского и греческого), начиная со звуков, созвучий, слогов, букв, частей речи, синтаксиса, упражнений по чтению, письму, разговору. На этапе чтения серьезных авторов и упражнений, разговора и письма ученикам «начнет открываться филология», т.е. знание дел, времен, мест, истории, басен, пословиц, дел домашних и общественных и др. Все это Вивес называет филологией, и «она вносит величайший свет в умы детей» (*De disc.*, 276). Вивес предлагает учащимся при изучении языка работы широкого гуманитарного плана, которые, видимо, должны помочь в изучении языка и просветить их в культурном отношении¹. Все это

¹ Тимофеев, Тураев, ред.-сост. (1974). С. 434. Кузищин, отв. ред. (1974). С. 434. В современном значении филология (от греч. любовь к

в известной степени соответствует современному пониманию филологии в широком смысле. Но относительно приемов изучения языка, стиля и т.п. он практически ничего не говорит, хотя сообщает, как начинается работа с текстами: учитель приводит из авторов для примера или объяснения сказанного не только слова, но и мысли или какие-нибудь факты, полезные для ума и жизни, используя басни, истории, пословицы; он представляет замысел автора, проясняет неясные места через другие более ясные (*De disc.*, 276).

Филологическое отношение, как подчеркивается в современной литературе, является типично гуманистическим, достаточно вспомнить о комментариях к многочисленным классическим текстам, которые появились в эпоху Возрождения, такое отношение характеризует и самого Вивеса¹.

Термин «филология» Вивес употребит еще не раз. Так, уже в конце, завершая разговор об обучении языкам, Вивес говорит о «смешанных авторах», которые одновременно касаются истории, басен, значений слов, ораторского искусства и философии, он называет их филологами. Среди античных авторов — Афиней (ок.200 н.э.), Авл Гелли (II в. н.э.). Вивес не называет писателей, которых читают при изучении других дисциплин или читают при изучении языков в другое время (видимо, вне занятий) (*De disc.*, 306-307). Любопытна его оценка Плиния в конце работы: «Это не один автор, а целая библиотека, совершенно полноценная по богатству (описываемых) деяний и слов. Кто осмелится признать себя филологом при этом жившим прежде?» (*De disc.*, 310).

На всех этапах обучения языку используются самые разные античные авторы. Их список открывает Донат. Назван и Сервий Гонорат. Но на начальных этапах обучения рядом с Донатом поставлены современные авторы (Н. Перотти, А. Небриха, Ф. Меланхтон, В. Лили и др.), помогающие освоению языка (*De disc.*, 295), что не должно удивлять, поскольку, как выше отмеча-

знаниям — это совокупность наук, изучающих язык и литературу и относящихся к области гуманитарных наук; а также приемы изучения языка, стиля, почерка с целью определения автора, места и обстоятельств создания памятника письменности, толкования текста произведения.

¹ Del Nero (2008). P. 209.

лось, в XVI в. появились учебные пособия по латинскому языку (грамматики, тексты, словари), чего практически не было у предшествующих Вивесу гуманистов.

Из полного и как бы завершенного во всех своих частях словаря¹, учитель возьмет для каждодневного пользования учеников слова, близкие им и достаточно простые. Постепенно язык учеников обогатится словами о доме и всей утвари, об одежде, пище, о времени, о лошади, о корабле, о храмах, о небесах, о животных, растениях, о городе и государстве. И все это услаждается шутками, умными и веселыми баснями, примерами, небольшими приятными историями, притчами, остроумными высказываниями. И «они охотно поглощаются с большой пользой не только для языка, но также для благоразумия и пользы для жизни» (*De disc.*, 297). Эта мысль о более широком, образовательном и воспитательном значении изучения языка проходит через все рассуждения Вивеса в трактате.

На стадии чтения и письма переходят к античным авторам. Сначала учитель даст более легких авторов, подходящих умственным способностям учеников, например, басни, «простые и чистые стишки», «изящные и благоразумнейшие стихи» Катона, небольшие высказывания философов; затем последуют письма Плиния Младшего, которые «имеют украшения и ритмы речи и соответствуют школьному окружению» (*De Disc.*, 297). Одновременно используют и современных писателей и среди них «для разнообразия и словесного богатства» работу Эразма «О словесном богатстве» (*De copia verborum*)², сначала первую книгу, затем вторую. Продолжается и изучение грамматики, для темы о фигурах (форма падежа?) берутся Квинтилиан и ряд современных авторов.

В этот период, используя современных авторов, ученикам дают в общих чертах знания о различных временах и деяниях от Адама до Карла V. Учитель изложит, какие велись войны, какие

¹ Словарь Р. Этьена *Thesaurus linguae latinae* появился в 1531 г., возможно, Вивес уже имел его; а краткий словарь для школяров увидел свет только в 1550 г.

² Работа Эразм «О словесном богатстве» (1512) представляет собой антологию классических авторов, Плиния, Платона, Аристотеля, Овидия, Гомера, Гесиода и др.

были построены знаменитые города, какие жили знаменитые люди; добавит красочное описание круга земель, больших государств, провинций и что случилось в каждой. Здесь же Вивес называет и имя римского географа I в. Помпония Мелы, что лишний раз подтверждает более широкое, чем знание только языка, обучение детей (De disc., 298).

И все же главное это изучение латинского языка, овладение учащимися богатством и красотой латинской речи. И потому при дальнейшем обучении следуют «более чистые писатели, весьма достойные подражания», «им надо следовать и они не введут в заблуждение» (De disc., 298). Весьма полезны повседневной речью Цезарь; Квинтилиан — изяществом. Важны дружеские письма Цицерона, которые он писал к Т. Аттику, разве лишь есть в них, замечает Вивес, некоторые неясности, частично оставленные самим Цицероном намеренно (с умыслом), частично настолько искаженные из-за порока и невежества времени, что восстановить их уже невозможно (De disc., 298). Рядом с ним упомянут и Теренций, которого Цезарь, как сообщает Вивес, назвал «любителем чистой речи». Теренцию, действительно, был присущ изящный литературный язык, без архаизмов и просторечных выражений. А в эпоху Возрождения его язык считался образцом классического латинского языка.

Но сказав о Теренции, Вивес называет и другого комедиографа Плавта, отношение к которому у него совсем иное, в Плавте он видит «гораздо менее чистоты». Плавт, как он пишет, любитель древности, дерзко (своевольно) благоволит к личностям рабов, смеха добивается веселостью слушателей и по этой причине многочисленными рукоплесканиями, также испорченностью речи, в чувствах неискренен (De disc., 299). Не вдаваясь сейчас в содержание его комедий, отметим только названную Вивесом «испорченность» языка. Язык Плавта, богатый и сочный, близок к народному разговорному языку, имеет грамматические формы, употребляемые в просторечии, что скорее всего не позволяет Вивесу сделать комедии Плавта пригодными для обучения школяров.

Однако относительно того и другого комедиографа Вивес желал бы «исправлений» (refecta), так как «они могут детские души осквернить теми пороками, к которым мы склоняемся словно не-

ким велением природы» (De disc., 299). Неясно, считал ли Вивес возможным с моральной точки зрения использовать в обучении комедиографов, по крайней мере, Теренция. О римских комедиографах он более ничего не говорит, отмечая только, что они ближе к прозаической речи, чем к стиху. У трагиков же находит гораздо больше величественного и трагического, чем полезного для общего разговора (в школе), однако считает возможным многое из них использовать; единственным латинским трагиком считает Сенеку (De disc., 299); о нем он говорит в обзоре в конце главы как о том, от которого будет большая помощь благодаря силе, богатству и разнообразию его слов, собственных и унаследованных от традиции (De disc., 309).

Гораздо больше внимания места Вивес уделяет поэтам и понятно почему, они широко использовались в гуманистических школах, дети их любили. Одновременно с поэтами ученик глубже изучает стихосложение и стихотворные размеры. Вивес называет первой работой «Буколики» Вергилия, отмечая особенности — введение говорящих лиц и их речи, как у комедиографов. Далее учитель изложит несколько од Горация, к ним добавит христианских поэтов, Пруденция, современного Баттисту Мантуанского, «более богатого и легкого, чем чистого или отвечающего возвышенности аргументов». Затем последуют «Георгики» Вергилия и «Рустикус» итальянского гуманиста Полициано, посвященный сельскому хозяйству и созданный под влиянием «Георгик» (De disc., 299).

Для знания басен и мифов учитель познакомит учеников с «Метаморфозами» и «Фастами» Овидия. Отберет некоторые эпиграммы Марциала. Добавит Персия. Затем последует «Энеида» Вергилия, которой Вивес дает высокую оценку: «великий труд, полный достоинства (величия) и добрых дел и не уступит “Илиаде”» (De disc., 300). И завершится перечисление поэтов, используемых в обучении, Луканом — его песни имеют так много силы, что почти равны трубным звукам; и кажется, что он не воспевает сражения, но вершит их, и с тем же пылом описывает битву, с каким вел (войну) Цезарь (De disc., 300).

Итак, поэты используются в процессе обучения, но Вивес подчеркивает, что их чтение больше возбуждает ум, (стремление) к звездам, к желанию выдающейся речи, чем питает материю (сог-

pus) слова (De disc., 299). То есть у него поэзия словесно не обогащает язык, а действует на ум и чувства. В другом месте Вивес говорит, что поэтические работы следует брать и изучать не как пищу, но как приправу (De disc., 300). Но, кроме этих самых общих, безусловно интересных замечаний, Вивес нигде более не развивает мыслей о влиянии поэтов, в частности, культурном, на души детей. А ведь приведенные Вивесом авторы обогащают детей в культурном плане: «Фасты» дают знание праздников и обрядов римлян, Персий — знание стоической жизненной мудрости и др.

В процессе обучения используются и исторические работы. Ученик узнает Т. Ливия, Валерия Максима, «который для красоты (pictura) речи сможет дать много украшений в словах и предложениях, которые у него есть в начале и конце каждой главы; возможно, они более изящны, чем подобало бы для (изображения) суровых событий» (De disc., 300).

Наконец, последуют речи Цицерона, «в которых есть украшение, ораторские блёстки (lumina) и все достоинства речи» (De disc., 300). Учитель отберет для своих учеников по своему желанию некоторые из речей, и ученик изучит, что предпишет учитель. Здесь же Вивес говорит и об авторах, которые будут читаться однажды и дважды в отдельные недели о нравах; ученики услышат кое-что, что исцелит слушающих от пороков или изгонит их или не допустит, чтобы они нападали. Но, к сожалению, эти авторы Вивесом не названы.

После изучения первооснов языка ученик сам начнет читать авторов, и здесь ему в помощь Вивес называет современных грамматиков и писателей (Т. Линакра, А. Небриху, Л. Валлу, Г. Бюде), а из древних — Сервия Гонората (De disc., 301).

Вивес советует ученикам «тщательно исследовать авторов римского языка; ведь если так делали древние, у которых то слово изучалось с младенчества (глоталось с молоком), чтобы из чтения язык совершенствовался и становился богатым и содержательным, что следует делать нам, у которых он был охотно принят и которые собираем его капля по капле»? (De disc., 301).

Он предлагает читать Ливия, не обращая внимания на диалектические особенности его языка; затем Корнелия Тацита, который «жестковат и опасен из-за подражания, но он велик, смел и в нем

присутствует много духа». Отношение к Саллюстию иное; из-за темноты (непонятности), за что его порицали в древности, он вряд ли пригоден для чтения детьми. «Я больше удивляюсь, что некоторые дают его детям, однако для тех, которые понимают, он приятнейший, и его чтение не менее возбуждает» (De disc., 301).

Для знания поэтов и басен ученик возьмет многое из Овидия (plurima ex Ovidio) и названных выше авторов. Из современников Вивес называет Дж. Боккаччо, который «свел воедино генеалогию богов счастливее, чем следовало надеяться в тот век; однако в толковании басен он часто чрезмерен и слишком холоден» (De disc., 301).

Для чтения предлагаются также Катон, Варрон, Колумелла, Палладий, Витрувий, видимо, для обогащения лексики специфическими словами по сельскому хозяйству, строительству и архитектуре.

И, наконец, названы все речи Цицерона и Декламации Квинтилиана¹, видимо, уже доступные ученикам, подготовленным к чтению античных авторов. Любопытно, что здесь же Вивес называет современных писателей, отходящих от норм классической латыни. Среди них Полициано, имеющий много выразительности, Эразм — «восхитительной легкости и ясности, и он стремится, когда нужно, к современности, словно к более подобному и более равному, чем к древнему, столь далекому от нас нравами, образом мышления» (De disc., 302).

О греческом языке наш гуманист говорит отдельно. Основы языка изучаются, как в латыни (звуки и значения букв и слогов, затем изменения форм имен и глаголов) (De disc., 302). Потом учитель объяснит (переведет) басни Эзопа, легкие словами и по смыслу, подходящие для того возраста. Помогает в этот период работа греческого педагога и ученого XV в. Федора Газы, жившего в Италии (Вивес называет первую и вторую книги, видимо, имея в виду его «Введение в грамматику»). Затем в руки мальчику будет дана какая-нибудь речь чистого и легкого писателя, а именно Исократы или Лукиана («чтобы было, во всяком случае, без развращения

¹ Две сохранившиеся под именем Квинтилиана Декламации принадлежат, видимо, его ученикам. См.: Кузищин, отв. ред. (1989). С. 256.

(порчи)», или Иоанна Хризостома, «тщательного и очень светлого» (De disc., 303).

А просодио и орфографию и особенности греческого языка ученик выучит, используя 3 и 4 книги Газы, правила для подражания латинян греческому узнает от Ласкариса (De disc., 303).

Греческий язык, считает Вивес, не затронут внешним влиянием более продолжительное время и сохранен более чистым, чем латинский. Его жизненная сила относится к временам процветания Афин и всей Греции (от тирании Писистрата до смерти Демосфена). И потому магистр познакомит учеников с ораторами и философами этой эпохи: расскажет о некоторых письмах Демосфена, Платона, Аристотеля, о какой-нибудь речи Демосфена или кого-то из десяти риториков, которые были в Афинах в то время. Оценка Демосфена у Вивеса очень высокая: «В Демосфене, кого он (ученик) часто будет иметь в руках, есть абсолютная сила и красота того языка, не иначе, чем в речах Цицерона» (De disc., 305).

Прежде чем говорить о поэтах, ученик должен узнать о диалектах. Затем он услышит несколько песен «отца всех поэтов» Гомера, затем первую и вторую комедии Аристофана и некоторые из Еврипида. Эти авторы очень изящны среди немногих аттиков. Аристофан остроумен, Еврипид строгостью (серьезностью) сентенций равен великим философам, как говорит Квинтилиан. С добрыми мыслями Феогнид дорийский и Фокилид Ионийский (De disc., 304).

Но самая высокая оценка дана Вивесом Гомеру. Гомер, считает наш гуманист, должен быть внимательно перечитан учениками и слушателями с учителем и самостоятельно, также изучен во многих местах. Считая, что великие достоинства этого мужа описывать было бы долго и трудно, Вивес все же решается оценить его творчество: «Прежде всего то, о чем он писал, кажется, он не выражал словесно, но ставил перед глазами, такова была сила и действенность его изображения; этим дарованием он без возражения до сих пор превышает всех последующих; не только тела изображает, но и потаенные движения душ, не воспринимаемые чувствами. Так что его поэзия, кажется не чем иным, как образом человеческой жизни. Общее понимание (*communis sensus*) до такой степени разумно, и то, что он говорит, так подобно природе вещей,

что после стольких веков, когда сильно изменились нравы, обычаи, весь образ жизни, тем не менее нашему времени и всякому другому соответствуют его слова, мысли, разговоры, речи, каковые вещи легко выдерживают столь долгую длительность (продолжительность); и в течение стольких веков он сохранил не только авторитет древности, но и прелесть новизны, так как во всем кажется современным» (De disc., 304).

Однако Вивес говорит и о недостатках (пороках) его, «чтобы их избегать, а добродетелям подражать». И обращается с этой целью к современнику Иерониму Виде, который их подметил и описал (избыточность в рассказе, описание колесниц в битве, ссора Терсита, низкие сравнения воинов с мухами — у Вергилия более почетные с муравьями и пчелами —, неторопливые беседы Диомеда и Главка во время битвы, повторение эпитетов и др.). (De disc., 304-305). Но эти недостатки Вивес объясняет особенностями издания — сначала отдельных частей работы Гомера и затем целиком работы при Писистрате.

Кроме Аристофана и Еврипида, к чтению учеников добавляют Гесиода и несколько греческих эпиграмм, «остроумных и соленых (шутливых), но не грязных (позорных)»; наконец, Пиндара, употребляющего малопонятные слова, но ценимого в древности за словесное богатство; пастушеские стихи Феокрита, имеющие много украшений в дорийском диалекте, но чтобы их лучше понимать, должны быть раскрыты аллегории (De disc., 305).

Для (знания) истории пусть ученик прочитает Геродиана, автора чистого и легкого, затем ему предложат Ксенофонта, «чище и естественнее которого нет ничего», несколько книг Фукидида, «писателя трудного, сурового и совершенно непоколебимого» (De disc., 305). Для лучшего освоения греческого языка ученик познакомится с сочинениями по грамматике, переводами и комментариями. Из последних Вивес называет некоторые современные работы, в частности «Комментарии к греческому языку» французского гуманиста и ученого XVI в. Гийома Бюде. Для знания языка и его диалектов будет читать общепризнанных знатоков языка (*authores linguae*) — Исократ, «проще и чище которого никого нельзя помыслить», Ксенофонта и десять риториков, добавит к ним Фукидида (аттический диалект) и более легкого Геродота (ио-

нийский). Среди этих авторов Вивес называет и Лукиана, давая ему любопытную характеристику, в которой ценится язык и отвергается содержание: «Слова Лукиана достаточно чисты, стиль ясен, он азианец (родом из Сирии — Н.Р.), сведущий в великолепии (цветистости) слов и напыщенный и совершенно пустой в вещах» (De disc., 305).

А для разнообразия знаний ученик имеет книги Аристотеля «О животных» и Феофраста «О растениях»; их перевел Газа, так что при чтении ученики получают помощь в том и другом языке (De disc., 306).

В библиотеке учитель оставит с целью консультаций некоторые книги: Греко-латинский лексикон (двойной — греко-латинский и латино-греческий), Гезихий для понимания поэтов, главным образом Гомера, Юлий Поллукс, дающий разнообразие и богатство слов, он нуждается в читателе учнейшим, и отвечает больше опытным, чем учит неопытных (De disc., 306). А из латинских книг — сочинения Варрона «De lingua latina libri tres», книги «запутанные из-за особого способа высказывания, а также запачканные и бесформенные по вине ложных библиотекарей», Феста Помпея (II в.), Нония Марцелла (IV в.) (De disc., 302).

В искусстве грамматики Вивес оставляет (видимо, для учителя) некоторых древних авторов, в частности, Присциана, Марциана Капеллу и др., их он называет мало подходящими для обучения. Причин этого не объясняет; возможно, считает их более сложными для учеников, но замечает при этом: «они научат многому, что учитель обратит в пользу свою и учеников», т.е. они доступны из-за своей сложности лишь для учителя. Из греков названы Геродиан¹, Трифоний (De disc., 308).

Итак, языковый курс продолжается восемь или девять лет. Кто же изучает языки? Те, кто готовится к другим дисциплинам — более высоким, и те, кто изучает только одну. Ученикам, отсталым умом и соображением, достаточно будет латинского языка и немногих вещей из греческого. Безрассудных (глупых) и сумасброд-

¹ Вивес упоминает Геродиана вторично, в этом случае для учителя, который должен прочитать его в оригинале, возможно, потому, что в переводе Полициано, как говорит Вивес, Геродиан кажется, рожденным не от грека, а от латинянина (De disc., 305).

ных (взбалмошных) лучше вообще отстранить от обучения «языка ученых». Кто здрав умом и суждением, но не захочет или не сможет подняться выше, будет доволен знанием языков. В дальнейшем он получит пользу от языка: будет публичным писцом в городе, займет небольшие должности в магистрате, будет исполнять посольские обязанности. Получившие знания в языках облегчат чтением авторов тяжесть старости, смягчат горести жизни (De disc., 307). И их всех, прошедших языковое обучение, Вивес называет филологами. «Они филологи, и их украшение филология. Из них избираются те, которые обучают других и которых мы не хотим отгораживать только описанными границами, но пусть другое исследуют и узнают, что относится к филологии...» (De disc., 308).

Авторов латинской и греческой речи, имеющих отношение к более высоким дисциплинам — к философии, исследованию природы, медицине, праву, теологии, Вивес не рассматривает, он оставляет их преподавателям этих дисциплин. Но при этом он делает интересное замечание: «Если же они рассуждают о более легком, об астрономии, космографии, нравственной философии, благоразумии, описании природы, или о тех вышеназванных дисциплинах, но (рассуждают) четко и ясно, я не вижу, почему они (эти вещи) должны меньше касаться филолога» (De Disc., 308-309). Как видим, Вивес считает возможным для филолога, изучающего языки, получить более широкое разностороннее образование, выходящее за гуманитарные рамки. Так что из школы выходит не просто знаток языков и грамматики, но филолог и вообще культурный человек.

Свой разговор о процессе обучения языкам и грамматике Вивес завершает обзором древних авторов, отцов церкви, раннесредневековых и современных авторов, гуманистов, издателей, комментаторов, переводчиков, он указывает свыше ста имен и многим из них дает краткие характеристики (De disc., 309-314). Поскольку обзор дан в конце главы об обучении, где гуманист говорит об изучении грамматики и древних языков, следует думать, что, называя этих авторов, гуманист ориентирует читателя на чтение сочинений, полезных прежде всего для изучения этого курса. Но Вивес не объясняет своего намерения. Из интересующих нас античных авторов названы Сенека, Цицерон, Квинтилиан, Курций, Апулей, Макробий, Платон, Аристотель, Плутарх, Гален, Филост-

рат, Либаний, Синесий, Плиний, Плутарх, Гораций, Катулл, Тибулл, Проперций, Овидий, Манилий, Силий Италик, Ювенал, Стаций Публий, Марциал, Авзоний Галл, Клавдиан, Проспер Аквитанский, Палефат, Гай Валерий Флакк, Апполоний Родосский, Гесиод, Софокл, Еврипид, Исократ Арат, Валерий Проб, Донат, Сервий Гонорат, Асконий Педиан. Некоторые из этих авторов уже были названы при описании процесса обучения, но здесь порой подчеркивается другая их функция (у Доната, например, комментирование Теренция, у Сервия Гонората — Вергилия); у некоторых авторов указаны работы, например, наряду с работами, важными для постижения поэтического искусства, у Аристотеля «Искусство поэзии» (*Ars poetica*), или у Плутарха «О чтении поэтов» (*De lectione poetarum*), названы и другие — у Аристотеля «Этика», «Политика», у Плутарха «Этика», «Сравнительные жизнеописания». Так что в целом обзор литературы оказывается шире, чем это необходимо для подготовки знатока языков и грамматики. Но он вполне соответствует подготовке филолога и широко образованного человека. И античная литература играет в этом процессе очень важную роль, формируя и обогащая язык, давая ученикам разносторонние знания. И по содержанию и по уровню подготовки школьное обучение, о котором пишет Вивес можно назвать гуманистическим.

Материал поступил в редакцию 20.02.2021

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
24.03.2021*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bowen, J. (1980) *Storia dell'educazione occidentale*. V.2. Segrate: Oscar Studio Mondadori, 1980.
- Del Nero, V. (2008) "The *De disciplinis* as a model of a humanistic text", C. Fantazzi, ed. *Companion to Juan Luis Vives*. Leiden: Brill, 177-226.
- Frova, C. (1981) "La scuola nella città tardomedievale: un impegno pedagogico e organizzativo", R. Elze, G. Fasoli, eds. *Le città in Italia e in Germania*. Bologna: Il Mulino, 119-143.

- González González, E. (2008) “Juan Luis Vives. Works and Days”, C. Fantazzi, ed. *Companion to Juan Luis Vives*. Leiden: Brill, 15-64.
- Vives, J. L. (1532) *De disciplinis. Libri XX in tres tomos*. Coloniae: Excudebat Ioannes Gymnicus.
- Кузицин, В.И. отв. ред. (1989) *Словарь античности*, пер. с нем. М.: Прогресс.
- Ревякина, Н.В. (2015). *Гуманистическое воспитание в Италии XIV–XV веков*. М. – Берлин: Директ-Медиа.
- Тимофеев, Л.И., Тураев, С.В. ред.-сост. (1974) *Словарь литературоведческих терминов*. М.: Просвещение.
- Шестаков, В.П. сост. (1981) *Эстетика Ренессанса*. Т. 1. М.: Искусство.

Nina V. REVYAKINA

JUAN LUIS VIVES ON THE USE OF ANCIENT LITERATURE IN EDUCATION

The work “On Education” (*De tradendis disciplinis*) by the Spanish humanist Juan Luis Vives (1492/3–1540) is considered from the perspective of the use of ancient literature during the initial period of child school training (from 7 to 15 years). Vives’ appreciation of the Latin language, a positive attitude towards teaching Greek at school, and the influence of ancient languages on modern European languages — Italian, Spanish, and French are discussed. The article draws attention to some features in teaching the Latin language that are not characteristic of the humanists who preceded Vives and also wrote about school. They are as follows: using the native language as an instrument for mastering Latin at the initial stage of learning, and using modern literature - writers, grammarians, humanists, which helps to learn ancient languages in the subsequent period. These features can be explained by Vives’ epoch when national states were being established, national languages were strengthening, and pedagogical thinking was developing. The article also examines the issue brought up by Vives himself about the attitude to pagan literature and to some, in Vives’ opinion, morally questionable poets. With all the inconsistency of Vives and the low persuasiveness of his self-censorship, the solution to this problem comes down to selecting such authors the study of whose works will protect school students from vices. The article shows

that both Latin and Greek literature (works on oratory, poetry, comedy, history, mythology, etc.) are widely used in teaching. Ancient writings not only form and enrich the language, but also provide versatile knowledge, mainly of humanitarian kind, help to bring up an educated and cultured person. This is supported by a large survey of over 100 ancient authors, modern writers, scientists, humanists, early medieval writers, “church fathers”, publishers, translators, and commentators provided at the very end of Vives' discussion on education, with brief characteristics of many of them.

REFERENCES

- Bowen, J. (1980) *Storia dell'educazione occidentale*. V. .2. Segrate: Oscar Studio Mondadori, 1980.
- Del Nero, V. (2008) “The De disciplinis as a model of a humanistic text”, C. Fantazzi, ed. *Companion to Juan Luis Vives*. Leiden: Brill, 177-226.
- Frova, C. (1981) “La scuola nella città tardomedievale: un impegno pedagogico e organizzativo”, R. Elze, G. Fasoli, eds. *Le città in Italia e in Germania*. Bologna: Il Mulino, 119-143.
- González González, E. (2008) “Juan Luis Vives. Works and Days”, C. Fantazzi, ed. *Companion to Juan Luis Vives*. Leiden: Brill, 15-64.
- Kuzishchin, V.I. otv. red. (1989) *Slovar' antichnosti*: Per. s nem. M.: Progress.
- Revyakina, N.V. (2015). *Gumanisticheskoe vospitanie v Italii XIV–XV vekov*. M. – Berlin: Direkt-Media.
- SHestakov, V.P. sost. (1981) *Estetika Renessansa*. T. 1. M.: Iskusstvo.
- Timofeev, L.I., Turaev, S.V. red.-sost. (1974) *Slovar' literaturovedcheskih terminov*. M.: Prosveshchenie.
- Vives, J.L. (1532) *De disciplinis. Libri XX in tres tomos*. Coloniae: Excudebat Ioannes Gymnicus.